

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СТАЛЬНОЙ ПРИЗРАК

Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть

Сергей Зверев

Стальной призрак

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Стальной призрак / С. И. Зверев — «Эксмо», 2020 — (Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть)

ISBN 978-5-04-099786-2

Лето 1942 года. Немецкие войска рвутся к Воронежу. По плану вермахта, захваченный город должен стать прикрытием для последующего прорыва на Сталинград. Отступающим частям Красной Армии не хватает времени, чтобы организовать оборону. Необходимо задержать передовые отряды гитлеровцев. Для этого к переправе через Дон выдвигается танковая группа во главе с лейтенантом Алексеем Соколовым. В последний момент танкисты понимают, что опоздали – мост уже в руках фашистов. У Соколова нет выбора. Он принимает смелое решение атаковать прорвавшуюся колонну немцев...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099786-2

© Зверев С. И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Зверев

Стальной призрак

© Зверев С.И., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Лейтенант Соколов не задавал вопросов ротному командиру. Да и о чем спрашивать, если он сам прекрасно видел, что происходит на фронте, знал, о чем говорилось в сводках, которые его стрелок-радиотелеграфист Омаев находил в эфире во время коротких передышек. А еще, некогда было спрашивать, потому что лето 1942 года было жарким во всех отношениях. Раскаленная броня, солнце плавилось над головой, изредка прячась в тучах пыли, поднятой гусеницами советских и германских танков, в дыму пожарищ.

Они шли плотной колонной по проселкам уже два часа. Сидя на укладке снарядов в башне, Соколов рассматривал карту. Рядом с его головой покачивались сапоги наводчика старшины Логунова. Василий Иванович сидел на краю люка и деликатно отодвигал ноги от шлемофона командира.

Танковая рота двигалась на помощь стрелковому батальону севернее села Елатомцево, где на безымянной высоте 87,6 красноармейцы из последних сил сдерживали атаки немцев. Сдавать высоту было нельзя, потому что с нее просматривались и простреливались все поля и лесочки в районе движения частей 40-й армии. Огневые точки высоты намертво перекрывали две автомобильные и одну железнодорожную магистрали. Учитывая изрезанный балками и овражками рельеф местности, дороги в этом районе были действительно важнейшими артериями.

– Воздух, командир! – крикнул Логунов и поспешно спустился в люк.

В башне сразу стало тесно так, что не повернуться. Соколов, как и другие младшие и средние командиры, с разрешения командования части сам подбирал себе танки во время последнего пополнения магчастью. Это командиры полков, дивизий и корпусов могли позволить себе не иметь наводчика орудия. Для них танк – бронированное средство передвижения, их командирский НП во время боя, если возникает такая необходимость. Они командуют действиями целых частей и соединений. Их танк может не участвовать в бою. Им важна мобильность и наличие связи с войсками.

А вот как быть командиру танкового взвода или роты? Да даже батальонному командиру, когда они сами участвуют в бою со своими подразделениями? Кто-то должен стрелять из пушки, а командир танкового подразделения должен командовать своими машинами. У него просто нет времени выискивать цели, наводить орудие.

Когда поступали машины, командиры с радостью брали себе для командирских целей танки с увеличенной башней. Всего каких-то несколько десятком сантиметров, но во время боя командир взвода может смотреть в танковый перископ, у него есть круговой обзор, а командир танка, он же командир башни и он же наводчик танкового орудия, непосредственно борется с вражескими танками, подавляет иные цели, на которые указывает взводный.

– Внимание всем, я – «третий», – послышалось в шлемофоне. – Воздушная тревога! Всем продолжать марш. Командирам танков вести наблюдение на флангах.

– Как там? – спросил механик-водитель, покашливая от густой пыли, попадавшей в его люк.

– Нормально, Семен Михайлович, – отозвался Соколов, высовываясь по пояс из люка и прикладывая к глазам бинокль. – Скорость держите. Интервал не увеличивать.

Это было опасно во время налета, но изменять режим движения на марше без приказа командира колонны нельзя. Да и самым ценным и важным в данной ситуации были время и скорость. Начни танки прятаться по балкам и лесам, как это предписано при поступлении команды «воздух», и окажутся потерянными драгоценные часы и минуты. А на высоте, обливаясь кровью, дерется батальон и ждет помощи. Ее сдача повлечет за собой самые тяжкие последствия.

Отступающие к Воронежу армии в последние дни надежно прикрывали с воздуха. Впереди стали бить зенитные орудия. Откуда-то справа послышались очереди спаренных пулеметов. Над головами пронеслись «Яки» с красными звездами на крыльях. Звено истребителей над лесом резко взмыло свечой, неожиданно оказавшись сбоку от немецких бомбардировщиков.

Несколько «мессеров» бросились в атаку на советские самолеты, но сразу же вынуждены были уйти вверх под защиту облаков. «Яки» атаковали со стороны солнца, которое слепило немецких пилотов. Завязался бой: натужно выли моторы на виражах, небо прочерчивали пунктиры трассеров.

«Не успели, дали связать себя боем, – с горечью подумал лейтенант, глядя в небо. – «Юнкерсы» сейчас выйдут к высоте и перепашут все, что еще способно там обороняться. А потом достанется и нам».

Но ситуация в небе изменилась быстро. С севера, из-за облаков, вдруг вынырнула пара советских истребителей, потом еще одна, и еще. Увлеченные боем «мессеры» не сразу заметили опасность, а воздух уже наполнился стрекотом авиационных пулеметов. Вот задымил один бомбардировщик, стал терять высоту второй. Отлетело с яркой вспышкой крыло у третьей вражеской машины, и она полетела вниз, нелепо кувыркаясь в воздухе. «Мессеры» бросились на помощь бомбардировщикам, но тут же два из них задымили и пошли вниз, оставляя за собой жирные черные шлейфы.

– Раздолбали! – крикнул Соколов и со злостью ударил кулаком по броне. – Дали прикурить немчуре! Ребята, «Юнкерсы» поворачивают!

Бомбардировщики рассыпались, ломая строй и пытаясь уйти от советских истребителей. Бомбы посыпались вниз на лес и в чистое поле. Пилоты пытались облегчить свои машины, чтобы спастись, оторваться от «Яков» на скорости.

Соколов снова приложил бинокль к глазам. Склоны высоты 87,6 затянуло черным дымом, сквозь дым то и дело прорывались огненные всплески. Там гудело и грохотало так, что дрожь земли ощущалась даже здесь, в танке.

– Внимание всем, я – «третий», – раздался в шлемофоне резкий, чуть сиплый голос капитана Балакирева. – Приготовиться к атаке с марша. Разворачиваемся на рубеже ориентира «раздвоенная береза» по направлению движения колонны. «Пятый», как слышишь меня?

– «Третий», я – «пятый», – отозвался голос лейтенанта Задорожного. – Слышу вас хорошо.

– «Семерка»?

– Слышу хорошо, «третий», – сразу же ответил Соколов, чуть прижимая ларингофоны к горлу.

– Слушайте приказ, ребята. – Голос ротного стал глуше, тверже и как-то спокойнее. – «Пятый», разворачиваешься вправо на тридцать градусов и идешь на ориентир «сгоревший дом». Поднимаешься по южному склону высоты и атакуешь с ходу через позиции стрелкового батальона в лоб немцам. Прикрывайся дымом, держи дистанцию между машинами по фронту не менее тридцати метров. «Семерка», ты продолжаешь движение прямо до ориентира «южная острая опушка березового леса». От этого ориентира разворачиваешься общим направлением на основание высоты и атакуешь немцев с ходу, не дожидаясь «пятого». Задача обоим – уничтожение живой силы и техники противника на северном склоне высоты 87,6 и участке между березовой рощей и оврагом Козым. Преследовать противника дальше запрещаю! Возвращение на исходную по моему приказу «сосна». Повторяю, выход из боя по приказу «сосна».

Оба взводных доложили, что приказ понят и принят к исполнению. До высоты оставалось не более пятисот метров. Пока что советские танки скрывал застилавший округу дым, древесный подрост и влажная почва, не позволявшая образовываться пыли.

Соколов, сидя в люке, в последний раз бросил взгляд на карту, сверившись с положением на местности. Ориентиры есть, хоть и дым вперемешку с пылью, но их видно, по высоте уже час бьет немецкая артиллерия.

«Выход из боя», «преследовать запрещаю». Алексей мысленно повторил слова капитана Балакирева и нахмурился. Высоту немцы почти непрерывно атаковали вторые сутки, после того, как штурмовому батальону удалось захватить ее, выбив врага с насоро подготовленных позиций. Атаки, артиллерия, бомбежки и снова атаки. Последняя артподготовка длится уже час, как сказал ротный. Значит, вот-вот немцы снова пойдут на высоту.

«Нам бы успеть, – думал Соколов. – Если враг ворвется на позиции батальона, то все – одними танками без десанта на броне нам их оттуда уже не выбить. Да и танков-то у нас только по названию рота. Четыре машины у Задорожного, у меня три, да танк Балакирева. Восемь машин против двух или трех десятков немецких танков. Вся надежда только на неожиданность».

Тишина обрушилась так внезапно, что Алексей вскинул голову и вцепился в края люка. Именно «обрушилась», оглушила. После грохота разрывов, когда неожиданно кончается бомбежка или артобстрел, такое бывает. Сначала как будто гложнешь. И только спустя секунды начинаешь слышать другие звуки – слух возвращается постепенно.

Первое, что расслышал Алексей, был рокот чужих моторов. За год войны он научился почти безошибочно узнавать звуки вражеской техники.

Он приподнял шлемофон и повернул голову так, чтобы лучше слышать.

Ротный резко бросил в эфир только одно слово: «Немцы!», но командиры обоих танковых взводов уже все поняли. Одновременно с атакой в лоб на высоту гитлеровцы, прикрываясь дымом и пылью, предприняли обходной маневр с запада, через кустарник на опушке березовой рощи. Обойти высоту можно было только с этой стороны, потому что с востока ее прикрывал глубокий разветвленный овраг, почти балка.

Была ли у командира батальона возможность заминировать, чем-то прикрыть танкоопасное направление? Вдруг – нет, а немцы все-таки нащупали, разведали этот маршрут? Тогда батальон обречен!

Впереди, в рассеивающемся дыму хлестко ударили пушки «тридцатьчетверок». Два выстрела, потом почти один за другим еще три. Взвод Задорожного вступил в бой, значит, так и есть, – немцы пытаются обойти высоту под прикрытием дыма. Теперь Соколову нужно выполнять свою задачу.

– Взвод, я – «семерка»! Слушай приказ! – объявил Алексей, прижимая пальцами ларингофоны к горлу. – К бою! Впереди танки противника. Заряжать бронебойными. Огонь по готовности, цели определять самостоятельно. Обхожу колонну слева. Идем «клином».

Все, больше говорить не о чем. Теперь только бой, только вперед! Ворваться с фланга в атакующие ряды противника и нестись, сметая все на своем пути. Огнем орудия, пулеметом, гусеницами крушить врага. Только вперед, сеять панику своей неожиданной атакой, пока немцы не опомнились. Их обходной маневр раскрыт, немецкий командир это знает, а тут еще удар во фланг. Он еще не понял, какими силами его атакуют русские, он еще не может принять решение на отвод подразделения, на смену направления атаки или на введение в бой новых сил. И его подчиненные на поле боя тоже ничего еще не поняли, кроме того, что их атаковали русские с неожиданной стороны. И это все продлится только несколько минут. И за эти несколько минут нужно успеть сделать многое!

Две пули ударили в открытую крышку люка на уровне груди Соколова. Лейтенант поспешно спустился в башню.

Танк подпрыгивал на неровностях, нырял стволом почти до самой земли. Алексей был переключен на командную частоту и не слышал переговоров по ТПУ¹. Танком командовал Логунов, как и положено командиру отделения, командиру танка. Соколову предстояло командовать своим взводом и вмешиваться в действия старшины он не собирался.

Поворачивая перископ, Алексей несколько раз сильно бился головой о скобу, когда Бабенко резко останавливал танк. Гулко стреляло оружие, с металлическим лязгом вылетала гильза, башня наполнялась дымом от сгоревшего пороха. Тут же вентилятор над головой вытягивал его, очищая воздух внутри машины.

Алексей уже год воевал со своим экипажем и привык доверять каждому из его членов. Без преувеличения каждый из них уже не раз спасал жизнь своим товарищам в минуту смертельной опасности. И сейчас лейтенант следил за боем, за тем, как сражаются его танки, танки взвода Задорожного.

Логунов подбил уже два немецких танка, еще одна вражеская машина, застигнутая врасплох, разворачиваясь, съехала по осыпи в большую промоину. Танк сержанта Началова добил его болванкой точно в борт.

Два удара один за другим заставили «семерку» вздрогнуть. Логунов выругался, а у Алексея все похолодело внутри. Нет, обошлось! Выдержала броня. Вскользь прошли немецкие снаряды. Только руки, которыми лейтенант держался за скобу перископа, посекло мелким крошечком, отлетевшим при ударах от внутренних стенок башни.

Дым рассеивался. Три советских танка маневрировали на поросшем кустарником, изрезанном промоинами поле перед высотой. Они то резко останавливались, то делали повороты, прикрываясь немецкими танками, то снова устремлялись вперед. Их пушки били и били, поражая цели одну за другой. Немецкие машины замедлили ход, закрутили стволами пушек, пытаясь поймать цель, отыскать откуда ни возьмись появившиеся советские танки.

А в эфире уже кричали и ругались по-немецки, кто-то пытался командовать. Но из полудесяти танков, которые пошли в обход высоты, не осталось ни одного.

А потом Соколов услышал крик в эфире:

– Командира подбили! «Третий» горит!

– А ведь Серега оттуда ни хрена не видит! – сразу понял Соколов, вспоминая положение взвода лейтенанта Задорожного.

Танк старшины Шевырева вдруг развернулся вокруг своей оси и стал. «Гусеница», – догадался Соколов.

– Началов, прикрой его! – крикнул Алексей и сразу переключился на ТПУ. – Логунов вперед! На склон. Маневрируй! Видишь, там, на склоне стоит «Т-IV». Он всех нас пожжет.

– В борт его надо, он развернуться не сможет! – отозвался Логунов и крикнул механику: – Семен, давай по всем газам прямо, я башню разверну, прицел ему сбивать надо, пока вот к тому сарайчику не выскочим.

Соколов снова переключился на командирскую волну и стал вызывать Задорожного:

– «Пятый», ответь «семерке». Где ты, «пятый»?

– Не могу выйти. Тут все в дыму, Лешка!

– Черт, не надо. – Соколов едва не выругался. Он понял, что взвод Задорожного подбитыми немецкими танками запер сам себя у южных склонов высоты. Им теперь надо выползти оттуда... – Всем, внимание, я – «седьмой»! Принимаю командование на себя! «Пятый», выполняй задачу, не ходи за мной. По склону вверх на позиции батальона! Поддержать огнем оборону пехоты!

«Только бы он успел, – думал Соколов, разворачивая перископ и осматриваясь по сторонам. – Только бы Серега успел подняться. Иначе нам тут крышка!»

---

¹ ТПУ – танковое переговорное устройство – система проводной связи для экипажа внутри танка.

Каким-то чудом Бабенко умудрился почувствовать момент выстрела немецкого танка и резко остановил машину. Болванка ударилась в землю в метре перед танком. И тут же механик снова рванул с места. Логунов выстрелил с ходу, без остановки. Сейчас это было оправданно – все решала не меткость, а скорость. Выстрелы сбивали прицел немцу, поднимали пыль вокруг него, и он какое-то время не видел советскую машину.

Соколов развернул перископ назад. Экипаж Шевырева чинил гусеницу, пригибаясь при близких разрывах. Башня неподвижного танка поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Орудие стреляло, и подбитая «тридцатьчетверка» покачивалась от каждого выстрела. В таких условиях заменить поврежденный трак было сложно, тем более натянуть гусеницу на катки, но иного выхода не было. Танк должен вести бой, должен стрелять, иначе его самого расстреляют как в тире.

Танк сержанта Началова то двигался вперед, то пятился назад, прикрывая корпусом товарищей. Дважды на глазах Соколова в него попадали снаряды, но танк продолжал сражаться. Отходящие к лесу немцы поняли, что русских мало, и снова стали выдвигаться вперед. Два немецких танка были сразу же подбиты, это охладило пыл остальных.

– Семен, еще вперед! – Логунов заорал так, что сумел перекрыть рев двигателя. – По вертикали не хватает, ствол не подниму!

И тут в борт ударило с такой силой, что заряжающий Коля Бочкин отлетел на казенник пушки. Лейтенант машинально зажмурился, но запаха гари не было, не произошло и вспышки. Не кумулятивный – просто болванка, которая под острым углом не пробил броню. И двигатель работает.

Бабенко за рычагами что-то кричал, «тридцатьчетверка» продолжала ползти вверх. Наконец, Логунов отпрянул от прицела и нажал на педаль спуска. Выстрел! Соколов развернул перископ и только теперь почувствовал, что гимнастерка у него под комбинезоном мокрая, хоть выжимай.

Немецкий танк горел. Бабенко все-таки сумел провести «семерку» до нужной точки. Туда, откуда можно было стрелять в тонкую бортовую броню немецкого «Т-IV». И Логунов вогнал туда болванку с расстояния в пятьсот метров. Скорее всего, снаряд прошел навывлет, вынося куски двигателя и брони.

Появились еще две «тридцатьчетверки». Всего две, но они могли двигаться, они поворачивали башни и стреляли куда-то выше, в сторону леса.

Дорого обошелся тот бой в дыму, когда Задорожный выскочил прямо на немцев и завязал дуэль на коротких дистанциях. Били друг друга прямо в упор. Побеждал тот, кто успевал выстрелить первым, кто успевал повернуть башню, навести орудие. И капитан Балакирев сгорел.

Открылся люк крайнего танка, оттуда показалась голова лейтенанта Задорожного. Он снял шлемофон и помахал Соколову. «Кажется, все», – подумал Алексей, видя, как пехотинцы спешат по склону к двум немецким танкистам, с готовностью поднявшим руки.

– Логунов, спускайся к нашим, – приказал лейтенант, отсоединяя разъем ТПУ. – Прикрой и помоги с ремонтом. Если что, на буксир и – за высотку. Я наверх, на КП батальона.

Командир корпуса прыгнул с брони, не дожидаясь помощи адъютанта, но тут же пошатнулся. Если бы не один из офицеров, подхвативший генерала под руку, тот бы обязательно упал.

– Ничего, ничего, – опираясь на руку офицера, проговорил генерал. – Благодарю вас.

Соколов смотрел на бледное лицо комкора, на грязный бинт, скрывавший всю нижнюю часть его правой руки, и думал: сколько же силы в этом человеке! Лейтенант знал, что колонна, в которой шли машины штаба корпуса, попала под бомбежку. Генерала Борисова чудом успели вытащить из-под горящих обломков перевернувшегося броневика, прежде чем тот взорвался.

Два часа офицеры штаба корпуса выходили к Еремеевке вместе с красноармейцами комендантского взвода, пока в лесу не наткнулись на немецкую разведку. Бой был скоротечным, генерал, контуженный еще во время бомбежки, получил еще и ранение в руку. И только к вечеру вчерашнего дня группу офицеров подобрали бойцы разведроты и доставили на КП корпуса.

После четырех часов отдыха Борисов отправился осматривать позиции и ставить задачу сводной механизированной группе, прикрывавшей отход корпуса. И вот по пути он решил заехать и лично познакомиться с положением дел на высоте 87,6, ключевой в арьергардных боях на пути к Воронежу.

– Исполняющий обязанности командира стрелкового батальона старший лейтенант Голобородов! – доложил молодой офицер в грязной гимнастерке, поспешно сорвав с головы каску и поправляя пилотку.

– Молодец, молодец! Хорошо держался, – кивнул генерал и, пожимая герою руку, приказал адъютанту: – Подготовьте приказ: утвердить старшего лейтенанта командиром батальона.

Никого из офицеров в батальоне не осталось. Голобородов был последним. Да и от всего батальона осталось личного состава – меньше роты.

Соколов, как только закончился бой, сразу отправился искать комбата. Он видел разрушенные окопы, блиндажи, пулеметные гнезда и воронки. Воронки повсюду – еще дымящиеся, смердящие сгоревшей взрывчаткой, от авиационных бомб, от артиллерийских снарядов. Весь истерзанный ландшафт между высотой и двумя лесочками на севере устланы трупы немецких солдат, там же чернели сгоревшие танки и бронетранспортеры. Соколов насчитал вчера четырнадцать танков и восемь бронетранспортеров. Пять танков и два «ханомага»² подбили его танкисты.

В батальоне осталось всего четыре противотанковых ружья и две 45-миллиметровые противотанковые пушки. У одной был разбит прицел, и артиллеристы наводили ее во время боя через ствол, умудрившись все же подбить один танк.

Соколов приказал вырыть пять танковых окопов в боевых порядках батальона на высоте. Из подбитых во время боя западнее высоты машин он выбрал одну «тридцатьчетверку» и два немецких «Т-III», у которых были повреждены двигатели. «Тридцатьчетверками» они растащили подбитую технику так, чтобы перекрыть немцам обходные пути, если те захотят повторить маневр. А заодно чтобы встретить их огнем из трех танков, которые еще могли стрелять. Несколько артиллеристов и выживших танкистов должны были сделать это, забравшись в трофейные танки.

– Принимай пополнение, комбат. – Генерал кивнул на трех офицеров, прибывших вместе с ним. – Две неполные стрелковые роты, две команды истребителей танков с противотанковыми ружьями, гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Еще выделю тебе полсотни противотанковых мин и двух саперов. Продержись, комбат, еще двое суток. Очень надо.

Генерал поднялся со снарядного ящика и положил Голобородову руку на плечо. Он заглянул в глаза молодому командиру, как будто хотел увидеть там подтверждение своим надеждам, что батальон выполнит задачу, выстоит.

– А танкистов я у тебя заберу! Очень мне самому нужны сейчас танки, комбат. Ты пойми, это – мобильная сила, а тебе оборону держать. Я тебя и так усилил, как мог. Держись тут!

Генерал стал спускаться с высоты. У дороги увидел холм свежей рыхлой земли и восемь ребристых танкистских шлемов на нем. Он подошел к могиле, остановился и снял фуражку.

– Твой? – после минутного молчания спросил он Соколова.

---

² Полуусеничный бронетранспортер Sd.Kfz.251 был создан фирмой Hansa-Lloyd, которая входила в состав концерна Carl F. W. Borgward. Фирма Hanomag производила только шасси и броневые корпуса. Но из-за заметной надписи на корпусе бронетранспортера красноармейцы стали называть его именно «ханомаг».

– Командир роты капитан Балакирев со своим экипажем, – кивнул Алексей. – И еще из двух танков ребята. Мы тут три машины потеряли.

– Вот что, взводный. – Генерал надел фуражку и поправил ее здоровой рукой. – Бери остатки своей роты и команду. Пойдем к машине, я тебе поставлю задачу. Как раз для твоих пяти танков. Сейчас выдвинешься к Еремеевке, там получишь по моему предписанию горючее, сухой паек, пополнишь боезапас, а к ночи – вперед. На отдых и подготовку могу дать тебе всего пять часов.

По знаку генерала, адъютант развернул на капоте «эмки» крупномасштабную карту, придавив один угол планшетом, а второй придерживая на ветру рукой. Генерал взял в руки карандаш и стал показывать.

– Мы сейчас с тобой вот здесь, Соколов. Вот она наша высотка, наша надежда и защита. Она прикрывает отход 5-й танковой армии к Воронежу с северо-запада. Вот здесь, западнее Кускова, развилку шоссе оседлала сводная группа, усиленная двумя противотанковыми дивизионами. Сплошного фронта на сегодняшний день нет, он разорван. Мы не имеем точных сведений о положении немецких частей и соединений. Авиация работает, мы кое-что получаем, даже фотосъемку, но это все отрывочные сведения. Твоя задача, Соколов, выдвинуться юго-западнее Кускова, перейти взорванную Курскую железную дорогу и двигаться в направлении Воронежа. Во время этого рейда ты должен засекать появление немецких колонн и отдельных групп, вести активное наблюдение за ними, выявляя цели и задачи. В оперативном отделе штаба корпуса получишь два комплекта карт района боевых действий, частоты, позывные, коды радиосвязи со штабом корпуса. Понял свою задачу, ротный?

– Так точно, товарищ генерал-майор! – Алексей вскинул руку к шлемофону. – Разрешите выполнять?

– Запомни, Соколов, сейчас ты – наши глаза и уши. Нам очень важно это дальнейшее походное охранение. У нас уже пропали две группы флангового дозора армии. Не выходят на связь несколько часов. Дозоры частей и подразделений могут обнаружить противника слишком поздно, а это могут оказаться слишком крупные силы. Если нарушить плановый отход к Воронежу трех армий, если не дать возможности закрепиться на новых рубежах, то последствия могут оказаться катастрофическими. Немцы рвутся на юг, к Волге, к Кавказу, к нефти. Нам надо устоять на этих рубежах, лейтенант! Понимаешь?

Алексей понимал. Конечно, нельзя было считать, что его дозор из пяти танков будет охранять всю танковую армию на марше. Просто генерал хотел, чтобы молодой лейтенант проникся важностью своей задачи. Но Соколов воевал уже год, он принял первый бой через два дня после начала войны выпускником танковой школы, и за этот год ему приходилось выполнять много боевых задач, принимать немало самостоятельных решений, шлифовать тактику танкового боя, которой его обучили инструкторы и командиры.

Алексей умел думать и видеть на несколько шагов вперед. Он понимал, что советская тактика проигрывает немецкой только в одном. Его не учили воевать, отступая, не учили грамотной тактике отступления. Он знал, как командовать танковым подразделением в атаке и в обороне, он знал, как организовать взаимодействие с другими родами войск.

А еще он из танковой школы вынес знания о бронетанковой технике потенциального противника. Легкие танки немцев проигрывали советской аналогичной технике во многом. И в том, что на немецких танках стояли бензиновые карбюраторные двигатели, которые были взрывоопасными из-за паров бензина, и часто загорались от попадания даже одного осколка в моторный отсек. А советские танки начиная с «тридцатьчетверок» снабжались дизельными двигателями. Немецкие танки не были рассчитаны на эксплуатацию в условиях Советского Союза: мало дорог с покрытием, распутица, снега, морозы.

А еще у Алексея была за плечами десятилетка. И он прекрасно видел, убедился за этот год войны, что немецкая армия не готова к затяжной войне. Он не раз встречался с пленными

немецкими солдатами и офицерами, которые буквально сходили с ума от непостижимо огромных расстояний на территории нашей страны. Не продумана немецкая форма для войны лютой зимой, не хватало немцам ресурсов для такой войны.

Как рассказывал один профессор из военной академии еще прошлой осенью, немцы сначала напали на Францию, чтобы захватить огромные запасы бензина и нефтепродуктов. Но этих запасов им хватило на несколько месяцев. И теперь даже румынские нефтеносные районы не обеспечивали врагу необходимого количества топлива. Другого плана, кроме как прорваться к каспийской нефти, у гитлеровцев нет.

– Это будет очень тяжелая война, – сказал тогда профессор. – У немцев теперь иного выхода нет, как воевать до конца, потому что в противном случае их ждет катастрофа. Для них или победа, или смерть. Они слишком больно ударили русского медведя. Он их теперь не отпустит. И для нас тоже нет иного выхода, как стоять насмерть и побеждать. Нас истребят, нас не оставят в живых, потому что мы всегда поднимались, когда нас сбивали с ног.

Соколов и не сомневался, что Советский Союз выйдет победителем в этой страшной войне. Он видел единодушную ненависть всего советского народа к врагу. И горячее желание победить любой ценой. А когда нас побеждали? В какой войне? Так он всегда спрашивал скептиков и паникеров. И никто не мог ему ответить на этот вопрос. Потому что – никогда!

Сдав позиции на высоте, танковая рота прибыла в Еремеевку. Странное затишье нараживало. За все время марша Соколов не слышал звуков близкого боя. В воздухе иногда кружила «рама», как называли бойцы немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик. Но почти сразу же появлялись советские истребители, и «рама» удирала, прикрываясь облаками и пользуясь своей высокой маневренностью.

Поручив Задорожному заниматься подготовкой техники к рейду, Соколов отправился в штаб корпуса, где получил карты, а также ознакомился с обстановкой на фронте в полосе действия 5-й танковой армии. Сведения, видимо, были устаревшими, но иными оперативный отдел не располагал.

Когда Алексей вернулся к своим танкистам, Задорожный уже уехал за горючим, а механики заканчивали ремонтные работы.

– Бочкин! – позвал Соколов, подойдя к своей «семерке».

Молодой заряжающий тут же высунулся из люка, держа в руках ветошь, которой протирал снаряды, заполняя укладку. Вид у Николая был задорный: глаза горели боевым огнем, щека и нос перепачканы смазкой.

Причины такого задора и приподнятого настроения были еще и в другом. Два дня назад Бочкин получил письмо от Лизы Зотовой, юной студентки вокального отделения консерватории, которую в прошлом году навещал в больнице, где девушка лежала с осколочным ранением ноги. А потом раненую певицу отправили в эвакуацию в Куйбышев. Молодые люди переписывались всю зиму, а потом письма от девушки перестали приходить. На Бочкине не было лица. Соколов несколько раз слышал, как Николай жаловался своему земляку Логунову, что он, простой парень с Урала, наверное, не чета будущей певице. Наверное, она разочаровалась в нем.

Но вот снова пришло письмо, и Бочкин был счастлив. Даже собираясь в опасный рейд.

– Я здесь, товарищ лейтенант! – Заряжающий выбрался из люка, спрыгнул на траву и одернул комбинезон.

– Ты чего улыбаешься? – не удержался Алексей, зная, что парню будет приятно лишний раз рассказать о важном событии.

– Письмо, товарищ лейтенант, – смущенно ответил Бочкин. – Представляете, четыре месяца не было, а тут раз – и письмо. А остальные потерялись. Она писала мне, а я не знал. Думал...

– Коля, не надо думать, когда любишь, – усмехнулся Соколов. – Надо просто любить и верить – ей и в то, что все закончится хорошо. Как там поживает твоя Лиза?

Бочкин расплылся в блаженной улыбке, уши его предательски зарделись. Еще бы, командир сказал: «Твоя Лиза!» Соколов боковым зрением заметил, что Логунов, стоя у танка, внимательно смотрит на них. Смотрит с нежностью, хотя, по возрасту, Коля вполне годится Логунову в сыновья. Да и не только по возрасту. Ведь Василий Иванович ухаживал перед войной за матерью Бочкина.

– Николай, собери заряжающих из других танков и передай мой приказ отправляться на кухню. Принести ужин на всех.

– Есть! – расплылся в довольной улыбке Бочкин. Чуть было не приложил руку к голове, но вспомнил, что пилотка осталась в танке, снова смутился и полез по броне наверх.

Соколов посмотрел вслед заряжающему, потом подошел к сибиряку:

– Как, Василий Иванович?

– Все готово, командир. Семен с Русланом два пальца на левой гусенице поменяли. У Началова тяга фрикциона полетела. Заменяли. Шевырев мучился с ТПУ, но Руслан помог, разобрался, починили. Снаряды и патроны приняли, машины проверили, масло залили из своих запасов. Ждем, когда лейтенант Задорожный с солярой прибьет. Заправимся и айда!

Логунов говорил не спеша, понимая, что сейчас командиру требуется не доклад по стойке «смирно». Давно у них в экипаже исчезла эта строевая обязаловка в отношениях. Сроднились. Когда при посторонних или при начальстве, тогда, конечно, надо блюсти Устав и марку держать. А когда наедине или на отдыхе...

– Коля как, Василий Иванович? Принял ваши отношения с матерью?

– Можно сказать и так, – солидно кивнул старшина. – Да он парень-то добрый, понимающий. И мать любит. Ему ведь главное, чтобы она счастлива была. А у нас с ним вроде уж наладились отношения. Столько времени вместе в одном танке. Столько раз на пару в глаза смерти смотрели. Я думаю, я ему как частичка дома, он, когда рядом со мной, вроде и по дому, и по матери меньше тоскует.

– А вы? – хитро прищурился Соколов.

– Да и я, что тут греха таить, – улыбнулся открытой улыбкой старшина и пригладил волосы с заметной сединой.

Соколов обошел «семерку», проверил, как Омаев с механиком-водителем укладывают инструмент, и пошел к другим танкам роты. Улица была пустынной. Машины стояли вдоль брошенных, поврежденных, часто почти до основания разрушенных снарядами домов. Некоторые здания были тронуты пожарами, сады раздавлены гусеницами танков. Ни жителей, ни петухов, ни собак.

Он машинально выслушивал доклады командиров экипажей, кивал, задавал вопросы, а сам все время возвращался мыслями туда, в позднее лето 41-го года, белорусский городок Мосток под Могилевом.

Алексей очень хорошо понимал Колю Бочкина. Получить письмо от любимого, близкого человека на фронте – это как глотнуть свежего воздуха, на миг очутиться в светлом мире без войны, крови и дыма пожаров. Это очень важно на войне – получать письма.

Самого Алексея вот уже почти год греет маленькая записка, написанная на клочке тетрадного листка аккуратным девичьим почерком:

Алешенька! Мой дорогой командир! Нас срочно отправили в город. Зачем, сказать не могу. Ты сам понимаешь, что этого говорить нельзя. Я не знаю, когда мы теперь с тобой увидимся, милый. Война, страшная война на нашей земле. Ты командир Красной армии, я комсомолка. Но я не это хотела тебе сказать.

Леша, если мы не увидимся больше, если нас разбросает эта война, помни, что я всегда любила и буду любить тебя. Только тебя одного! И я буду хранить тебе верность, и буду ждать тебя, как всегда на Руси женщины ждали

воинов. Я глупая, да? Фантазерка? Просто я люблю тебя. И пусть фантазерка и выдумщица. Ты сохрани это письмо. Это мои мысли, частичка моей души в этих строках. И моя любовь будет беречь тебя на войне.

Твоя Оля.

Соколов перечитывал эту записку только тогда, когда оставался один. Нет, он не стыдился девичьих признаний, не боялся перестать казаться мужественным командиром в глазах подчиненных. Он как раз был счастлив, что заслужил любовь Оли, гордился этим неимоверно, но... эту записку, как и признание в любви, он считал делом настолько личным и глубоким, что предавать огласке, делиться с кем-то просто не мог. И не хотел.

Мужественная девочка, ребята – вчерашние школьники. Они там, в тылу у немцев, на оккупированной территории делают все, чтобы приблизить победу, чтобы нанести урон гитлеровцам, показать им, что советский народ не сломлен, даже под пятой агрессора.

Когда они уходили к линии фронта на своей «семерке» вместе с экипажами, освобожденными из немецкого плена, на возвращенных в строй танках, которые до этого захватили немцы, Алексей звал Олю с собой. Но девушка отказалась из-за своего больного отца, который обязательно умер бы без нее. А оставлять его на попечение чужих людей, даже своих друзей, Оля считала нечестным. Трудно было всем, а она, получалось бы, просто сбежала. Она так не могла – предать своего отца, своих товарищей.

И они ушли, а она осталась. И что с ней, Алексей не знал, боялся думать о страшном, надеялся, что скоро настанет время, когда они ворвутся на окраину Могилева, снесут танковым ударом немецкие укрепления и освободят город и маленький поселок Мосты. И Оля выйдет на пыльную дорогу, изрытую гусеницами, а в ее руках будет букет полевых ромашек.

– Что, трудное нам дело предстоит, Алексей Иванович? – раздался рядом мягкий голос Бабенко. – Вас что-то беспокоит?

Соколов повернулся и не удержался от улыбки. Сколько раз он видел во время отдыха, когда экипаж выходил из боя, как по-отечески Бабенко заботился о других членах экипажа, особенно о молодых танкистах – Коле Бочкине и Руслане Омаеве. Он им и тушенки побольше подкладывал, приговаривая, что растущему организму надо питаться лучше, и командира укрывал брезентом, когда тот задремывал возле танковой гусеницы после ночного марша, приговаривая, что все начинается с простуды, с холодной земли. Бывший инженер-испытатель с Харьковского танкового завода, добровольцем ушедший на фронт, особую заботу проявлял к своему командиру. Когда они оставались наедине, он даже называл лейтенанта по имени и на «ты». Может, Алексей напоминал ему сына? Хотя никто из экипажа никогда не слышал о том, что у Бабенко были жена и дети.

– Обычное дело, Семен Михайлович, – пожал плечами Соколов. – Все как на войне. Вы бы поспали немного, а то вам всю ночь за рычагами придется провести.

– Да-да, конечно, – согласился Бабенко и улыбнулся ободряющей улыбкой. – Хотя, что мне рычаги, они мне как родные.

Через час, когда экипажи подкрепились принесенной с кухни мясной кашей, Соколов вместе с лейтенантом Задорожным собрали командиров машин и расстелили на траве карту района предстоящих боевых действий.

Глава 2

Рассвет застал Соколова на косогоре южнее села Земляной Вал. Прячась за стволом старой березы, Алексей вместе с лейтенантом Задорожным уже около часа рассматривал в бинокль окрестности. Кое-где над лесочком поднималась пыль, в нескольких местах были видны столбы дыма. Но немцев они пока не заметили – ни колонн, ни отдельных групп, ни мотоциклистов-разведчиков.

– Может, они сюда и не дошли еще, – предположил Задорожный. – А дым и пыль, так это и от бомбежки может быть или от артобстрела.

– А это ты как объяснишь? – Не поворачивая головы, Соколов ткнул рукой в сторону того, что осталось от села.

Это была не какая-то деревушка в два десятка домов, затерявшаяся в полях между Воронежем и Курском на берегу одной из многочисленных речушек. Это было добротное село со своей церковью, обустроенной центральной усадьбой колхоза «Красный коммунар», как было указано на карте. Сюда даже было проведено электричество и телефон. Правда, сейчас часть столбов была повалена, обрывки проводов болтались на ветру.

От большого села в несколько прямых улиц осталось всего несколько домов, стоявших ближе к реке. Печные трубы, почерневшие от пожара, груды бревен, искореженные деревья растопырили свои обломанные ветки там, где недавно цвели сады.

Село стояло на дороге районного значения. И здесь недавно был бой. Дома могли загореться от шального снаряда или во время поспешной эвакуации от опрокинутой керосиновой лампы. Любой пожар – это огонь, но здесь были взрывы, много взрывов. А некоторые дома и сараи были разрушены танками. И, судя по еще дымящимся развалинам, бой был не далее чем вчера.

– А вон и наша «тридцатьчетверка». – Задорожный показал на край небольшого лесочка, спускающегося в балку частым мелким осиновым подростом. – А вон еще одна. Если ты прав, Леша, то немцы шли вон оттуда, с юго-запада, а здесь их встретило какое-то наше отступающее подразделение.

– Это был наш дозор, Сергей. – Соколов опустил бинокль. – На башне номер «36». Это фланговый дозор нашего корпуса. Мне генерал Борисов, когда ставил задачу, сказал, что два наших дозора перестали выходить на связь. Это капитан Родионов. Вечная память ребятам.

– А где же немецкие подбитые танки? – начал горячиться лейтенант. – Не могли же они так тихо подкрасться, чтобы с одного залпа всех разом. Это же танки!

– Немцы свою подбитую технику утащили на буксире. Им проще. А нам пока остается только смотреть и кусать губы. И локти. Слушай, Сергей! – Соколов полез за картой и, присев на корточки, расстелил ее на траве. – Смотри, это дорога районного значения, она выходит с шоссе Курск – Воронеж. Сюда, в принципе, можно попасть и от Старого Оскола, и со стороны Ливен. Где сейчас немцы, мы не знаем. И где они были вчера – тоже.

– Но двигались они по дороге, – уверенно предположил Задорожный. – Здесь слишком изрезанный рельеф – балки, овражки.

– Согласен, – кивнул Соколов. – Мы с тобой сейчас фактически в немецком тылу. А сплошной линии фронта здесь нет. За сутки по такой местности, опасаясь засад, замаскированных узлов обороны и блокирующих высот, они продвинулись километров на пятьдесят, не больше. Не будут они рисковать и лезть в пекло. Сейчас не 41-й год, и это не танковый клин прорыва.

– Что делать будем? – спросил лейтенант. – Прорываться старым путем назад, сообщать о немецких частях?

– Сообщать нам пока нечего, – Соколов покачал головой, – разве что общую обстановку. А для этого не обязательно туда-сюда кататься. Мое предложение такое. Передаем кодами в штаб корпуса сведения и продолжаем движение прежним маршрутом. Получается, что мы пойдем как раз за спиной немцев, в рокадном направлении. Получим побольше данных, тогда свернем на Воронеж, к месту соединения с частями корпуса. Нам приказано двигаться трое суток в указанном направлении. Вот и будем вести наблюдение дальше. Выполнять поставленную задачу.

– Ты командир, тебе решать, – улыбнулся Задорожный.

Присев на пенек возле «семерки», Соколов принялся составлять текст кодового сообщения, которое Омаев должен будет передать в штаб корпуса. Дальность передачи с танковой радиостанции голосом составляла всего 5–8 километров. А передавая текст азбукой Морзе, дальность приема увеличивалась до 10–15 километров.

Сейчас рота Соколова находилась от своих километров в восьмидесяти. Для работы на таком расстоянии им в штабе корпуса выдали коротковолновую радиостанцию большей мощности со свежими батареями.

Омаев, установив радиостанцию на соседнем пеньке, готовился к передаче. Ловкий Коля Бочкин забросил тросик антенны на сосну и теперь с довольным видом ждал результата.

Кодовые таблицы использовались часто в тактических целях при радиопередачах. В оперативном отделе составляли такие таблицы для различных стандартных целей. В данном случае рота Соколова вела наблюдение и должна была сообщать о появлении и направлении передвижения сил противника. Не говоря открытым текстом, а используя соответствующие таблицы, которые были и в штабе корпуса, можно было передавать информацию, которую не мог понять никто, кроме того, кто имел второй экземпляр кода.

Текст таблицы для Соколова состоял из метеорологических и синоптических терминов. Любой, перехвативший передачу, понял бы, что речь идет о прогнозе погоды. Даже догадавшись об иносказательности текста, все равно не понял бы истинного смысла.

Ветер умеренный до сильного. Снег с дождем. Град не замечен. Направление ветра – 300.

И все. Короткая передача, которую трудно запеленговать и текст которой невозможно расшифровать без кодовой таблицы. А смысл ее такой. «Ветер» – это вражеские войска. «Умеренный до сильного» – от полка до дивизии. «Ветер» мог быть «слабым» или «шквалистым». Могла прозвучать фраза: «штормовое предупреждение». В штабе корпуса поняли бы, о каких силах в каждом конкретном случае говорится. «Дождь» – пехота, «снег» – танки. «Град» – крупнокалиберная и штормовая артиллерия. А направление движения указывается в соответствии с градусами лимба. Об этом может догадаться враг, перехвативший передачу. Только вражеский радист не знает начала отсчета. В данном случае началом отсчета договорились считать не 0 градусов, а 30. А могли принять и 15 градусов, и 180, и так далее.

Пока Омаев ждал ответа, Соколов собрал командиров машин.

– Товарищи танкисты! Мы с вами оказались в тылу наступающих гитлеровских войск. Важность нашего рейда повышается, потому что теперь мы – глаза и уши командования. Первые сведения я передал в штаб корпуса, но от нас ждут большего. Ждут командиры, ждут наши товарищи, которые ведут кровопролитные бои на подступах к Воронежу. Мы будем продолжать выполнять поставленную задачу, как боковой дозор частей корпуса и разведывательная группа. Для этого продолжаем движение в указанном направлении и в заданном районе. Возможна встреча с врагом, нам придется вести скоротечный бой. Я верю в каждого из вас, как в самого себя. Порядок движения: головной дозор – лейтенант Задорожный на командирской машине. Основная группа: я, затем машина старшины Началова, далее – машина сержанта Шевырева. Тыловой дозор – старший сержант Бурлаков. По машинам!

Обходя сгоревшую деревню лесными просеками, танки вышли к балке. Задорожный чуть притормозил, осматривая горизонт, после этого его машина спустилась вниз. Через несколько минут в балку вошла основная группа и танк тылового дозора.

Командиры машин сидели в люках, ведя наблюдение по секторам, как того требовал боевой порядок. Велось наблюдение и за «воздухом». Бояться приходилось как немецких самолетов, так и своих. Сверху не разберешь, что за танки идут в тылах наступающих немецких частей. Так что, атакуй, если есть чем.

Через час движения на малых оборотах от головного дозора прозвучала команда: «Стоп». А спустя еще несколько секунд: «Один», ко мне». Задорожный звал командира. Видимо, он увидел что-то важное.

Проехав через поляну к краю леса и остановив машину за пару десятков метров от танка лейтенанта, Соколов спрыгнул с брони и побежал вперед. Задорожный дождался, пока командир поднимется к нему на броню, и показал вперед и вправо. Там, в поле, со стороны проселочной дороги между разбросанными островками деревьев тянулся еле заметный шлейф пыли.

– Похоже на штабную колонну, – предположил Задорожный, снова и снова прикладывая к глазам бинокль. – Смотри, два легких танка, бронетранспортер, две легковушки и два грузовика. Наверняка с солдатами.

– Да, похоже, – согласился Соколов, тоже разглядывая колонну в бинокль. – Сколько до них? По угломеру³ получается примерно пять с половиной километров. С такой скоростью они будут здесь через полчаса. Будем атаковать, Сергей!

– Нам важно документы захватить, – недовольно пробормотал Задорожный, опуская бинокль. – Если это штабные, то при них и документы важные могут быть. Нам бы сейчас пехоту на броню, а мы с тобой без десанта.

– Ничего, сейчас придумаем, как быть, – пообещал Соколов. – Значит, так, ты остаешься на этом месте и наблюдаешь за ситуацией, вовремя мне докладываешь обо всех ее изменениях. Можно открытым текстом, все равно последствия такого боя не скрыть, стрельбу услышат за много километров отсюда. Задача номер один: когда колонна поравняется вон с тем стоящим прямо столбом, я ее атакую. С первым моим выстрелом ты всаживаешь по осколочно-фугасному в два замыкающих грузовика. И все, Сережа, потом – только наблюдать и докладывать о новых группах противника, и не давать уйти назад тем, кто вырвется из нашего кольца. Если к ним подойдет подкрепление, прикрываешь наш отход с трофеями.

– А ты как же без десанта-то?

– Да очень просто: у меня же четыре танка! Я вон той балкой выйду им наперерез и замаскирую две машины вон в том ивняке, а две скроются в балке. Потом, когда я подобью танки, они атакуют гусеницами и пулеметами. А задачу десанта выполнит мой Руслан Омаев. Он уже показал себя хорошо в рукопашной и в таких вот операциях. Настоящий джигит. Я ему пару человек в помощь дам из тех, кто в танках будет не очень нужен. Полноценного боя все равно не будет.

Танкисты выслушали приказ и с азартом в глазах переглянулись. Многие из взвода, которым командовал Соколов, воевали с ним не первый день и знали, что лейтенант всегда находит выходы из безвыходного положения и решения принимает нестандартные.

И здесь молодой лейтенант рассудил просто. Чтобы захватить документы, которые могли находиться у штабных офицеров, достаточно трех опытных бойцов. Танкисты – не пехота, не фронтовые разведчики, но почти все в роте воюют с начала войны. А за год фронтовой жизни что только не происходило, в каких только боях не приходилось участвовать. И в танке, и с

---

³ Жаргонное армейское выражение. Имеется в виду угломерная сетка для определения расстояний, нанесенная изнутри на стекло бинокля.

автоматом в окопе, защищая подбитый танк, и выходя из окружения пешком вместе с другими частями. Многому научились танкисты.

Основной огонь по колонне будут вести танковые орудия, задача которых подбить бронетехнику врага и грузовые автомашины. Танк Задорожного будет стрелять с бугра с расстояния двести метров. Для танкового орудия – это стрельба в упор. Для пулемета нормальная прицельная дальность стрельбы. Те, кто выживет после попадания снарядов в грузовики, лягут под очередями двух пулеметов танка Задорожного.

На малых оборотах три танка взвода Соколова и один танк из взвода Задорожного вышли на исходные рубежи. Алексей еще раз проинструктировал своих «десантников». Омаев был готов, это читалось по его глазам – холодным, сосредоточенным. Молодому лейтенанту, видевшему на войне, кажется все, что только могло быть страшного, иногда становилось не по себе от этого взгляда молодого чеченца. Как он ненавидел фашистов! За войну, за смерти, за сожженные города и села. Но больше, казалось, он ненавидел их за смерть санитарки Людмилы.

Это была любовь! Великая, трепетная, полная возвышенных чувств и романтики. Не зря в батальоне их звали Руслан и Людмила. А потом Омаеву написали, что Людмила погибла во время бомбежки. Молодой танкист, сын горского народа, не мог принять того факта, что на войне рядом с мужчинами находятся женщины. Пусть они – врачи и санитарки, пусть они связистки, он считал, что нет на войне места женщинам, что это дело сугубо мужское. И гибель на войне женщины не укладывалась в его голове, как что-то непостижимое, нереальное.

Лейтенант очень боялся, что Руслан станет жестоким мстителем, что в нем возьмет верх желание убивать, а не защищать родину. Тонкая грань, но на войне Алексей научился чувствовать ее. Убить врага или наслаждаться муками человека – пусть он и одет во вражескую форму, пусть и убивал советских людей. Даже на войне, на такой страшной, все равно нельзя становиться зверем, в этом Соколов был убежден.

Рядом с Омаевым стоял Коля Бочкин. Ребята сдружились за этот год службы в одном экипаже. Заряжающий справится с заданием, в этом Алексей был уверен. Да и заменить его возле орудия и у пулемета лейтенант, если понадобится, сможет.

Третьим членом группы стал еще один пулеметчик-радиотелеграфист из экипажа старшины Началова. Невысокий коренастый парень, который до войны окончил курсы радиотелеграфистов, участвовал в военно-спортивных состязаниях и даже имел несколько спортивных разрядов: по стрельбе, по легкой атлетике и плаванию.

– Запомнили? – спросил лейтенант, взглядываясь в лица танкистов. – Приказы Омаева выполнять быстро и четко. Головой крутить на все триста шестьдесят градусов. Любой из немцев может оказаться живым, просто оглушенным взрывом. Он в любой момент может выстрелить в вас. На броне танка подходите к легковушкам. Омаев осматривает машины, обыскивает убитых, вы его прикрываете. Потом он – на броню, вы ждете. Омаев на броне, прикрывает. Вторым поднимается Бочкин. Поняли?

– Так точно, товарищ командир! – лихо ответил за всех Омаев, блеснув карими глазами.

Немецкая колонна приближалась медленно. По изрытой гусеницами проселочной дороге штабные легковушки шли с трудом.

Соколов, сидя в люке танка, рассматривал немцев и зло думал, что не рассчитал враг, готовился к парадной войне, по шоссе думали доехать до Москвы. Не вышло, ошиблись гитлеровские генералы. Вот, ползите теперь в своих роскошных «Хорьхах» и «Мерседесах», глотайте пыль бездорожья.

Чтобы не выдавать своего присутствия в радиозэфире, Соколов отдавал команды жестами и флажками. Даже сейчас, спустя год после начала войны, еще не все танки были радиофицированы. Многого не хватает советской стране, слишком большой урон нанесен народному хозяйству за этот год.

В танковой школе, в которой учился Соколов, все машины были радиофицированы, но курсантов все равно учили руководить боем с помощью флажков. И вот сейчас, повинувшись этим нехитрым сигналам, командиры танков смотрели на колонну, наводчики готовились открыть огонь и следили за целями в орудийные прицелы. А заряжающие, загнав снаряд в казенник пушки, наблюдали за командиром роты, какую команду он отдаст.

Вот рука с красным флажком пошла вверх. Внимание, приготовиться к атаке! Наведение на заранее выбранные цели. Стволы пушек чуть шевельнулись, двигаясь каждый за своей целью. Рука резко пошла вниз. Огонь!

Гулко ударил выстрел танкового орудия с бугра, и тут же на месте заднего грузовика взметнулся грязно-черный фонтан земли с обломками машины. Полетели в разные стороны сидевшие в кузове солдаты, нелепо растопырив руки и ноги, полыхнул огнем взорвавшийся бензобак. Офицеры в легковушках закружили головами, некоторые даже вскочили на ноги, держась за спинки сидений.

Второй грузовик резко затормозил, а башни двух головных «Т-III» стали поворачиваться в сторону холма.

Еще один выстрел танка Задорожного – и второй грузовик разметало вместе с пехотой. Те, кто успел выпрыгнуть через борт машины, попадали от этого взрыва. С косогора заработали два пулемета, добивая тех, кто еще оставался в живых возле разбитых грузовиков. Одно за другим ударили орудия со стороны балки. Еще два выстрела, и, ломая тонкие березки, разметывая гусеницами зеленую листву, к колонне понеслись три советские машины.

Немецкие легкие танки горели. Бронетранспортер разворачивался, через его борта прыгали солдаты. Снаряд, пущенный «тридцатьчетверкой», полыхнул огненным пузырем на борту «ханомаса», да так, что отдельные листы обшивки разлетелись по дороге.

Легковушки не успели развернуться. Сидящие в них офицеры один за другим падали под пулеметным огнем. Кто-то пытался стрелять из автомата, кто-то выдерживал из кобуры пистолет, но беспощадный огонь смел все живое.

Огонь был точен, ни одна из легковых машин не загорелась.

«Тридцатьчетверки» остановились, охватив подковой место побоища. Омаев, держа наготове «ППШ», спрыгнул на землю. Жарко полыхали бензиновым огнем обломки бронетранспортера, вокруг – трупы, трупы и трупы. Ненавистная вражеская форма. Молодой горец направлялся к первой легковой автомашине, когда с брони «тридцатьчетверки» раздалась короткая автоматная очередь.

Омаев мгновенно развернулся всем телом и присел на одно колено. Один из немецких офицеров уронил руку с зажатым в ней пистолетом и ткнулся окровавленной головой в дорожную пыль.

Когда танкист подошел к первой машине, осмотрелся по сторонам, прижав к плечу приклад автомата, к нему осторожно приблизились его товарищи. Обследование обеих легковушек не заняло много времени. В первой не было ничего кроме объемистого кожаного портфеля. Содержимое оказалось личными вещами кого-то из офицеров. Чистое белье, Библия, бутылка коньяка, две плитки шоколада, блестящий пистолет с инкрустированной рукоятью.

Руслан, стиснув зубы, смотрел на лежащие рядом Библию, пистолет и коньяк. И все это рядом, в одном портфеле.

– Будьте вы прокляты, – резко сказал Омаев и бросил портфель в огонь.

Во второй машине танкисты нашли то, на что и рассчитывал их командир. Два небольших черных портфеля с запечатанными замками. Документы и наверняка секретные. Омаев взял находку под мышку и сделал знак отходить.

Где-то стонали раненые, пахло сгоревшим тротилом, горелой резиной и горелой человеческой плотью. Запахи войны, к которым Омаев уже давно привык.

Попыток напасть на танкистов больше не было. А еще через пятнадцать минут советские «тридцатьчетверки» уже неслись по проселку на опушке леса. Соколов так выбирал маршрут, чтобы при обнаружении вражеских самолетов сразу свернуть в лес. Теперь ему предстояло провести свои танки на соединение с силами корпуса. Молодой командир хотел отойти подальше от места нападения на колонну и только потом выйти в эфир, чтобы доложить о трофеях и получить разрешение на возвращение.

– Что там? Важное что-нибудь есть? – нетерпеливо спрашивал Логунов, перегнувшись через казенник орудия и заглядывая в документы в руках лейтенанта.

Соколов неопределенно пожал плечами, пересматривая бумаги, извлеченные из портфелей. Сейчас Алексей был очень доволен тем, что так увлекся еще в средней школе немецким языком, что интерес к этой дисциплине у него сформировала школьная учительница, немка. А потом уже в танковой школе он ходил на дополнительные занятия, организованные для тех курсантов, которые уже сносно владели языком. На этих занятиях была возможность увеличить словарный запас именно в военной области, изучалась терминология, применимая к танковому бою.

– Приказ у них. Ехали, видимо, из штаба 4-й танковой армии. Судя по перечисленным частям, крупная армейская группа движется на Воронеж. И мы сейчас в тылу передовых частей.

– Товарищ лейтенант, связь с корпусом! – раздался в шлемофоне голос Омаева.

– Давай! – Соколов вытянул из-за спинки сиденья Логунова картонку с кодированными фразами.

Выслушав лейтенанта, помощник начальника штаба корпуса велел ожидать повторного сеанса связи и отключился. Логунов посмотрел на командира, но промолчал. Только что Соколов предложил командованию отправить к ним танк лейтенанта Задорожного, а остаткам роты продолжать рейд и отвлекать на себя противника. Согласие штаба корпуса означало бы неизбежную гибель роты в полосе наступления вражеских частей. Четыре танка против танковой армии – это смешно. Но командир так решил.

«Может, он и прав, – подумал Логунов. – У меня опыт, конечно, тоже есть, но лейтенант танковую школу закончил, а их там многому учили. Может, и проще одному танку просочиться, а остальным на себя отвлекать врага. Черт, тут голову поломать надо, прежде чем решение принимать. Что там, в корпусе, решат?»

Приказ штаба корпуса был коротким:

«Эвакуация всего госпиталя полностью. Любой ценой сберечь инструкции к импортным лекарствам».

Это означало: возвращаться в полном составе.

Соколов поморщился и сдвинул шлемофон на затылок. Теперь уже не важно, как ты считаешь. И нет возможности переубеждать руководство. Армия есть армия.

Посмотрев на карту, Алексей пометил карандашом небольшую поляну в лесном массиве – единственное место на их пути, где можно на время спрятать пять танков. Подергав Логунова за штанину комбинезона, лейтенант сунул ему карту и показал точку.

– Идем туда. Там передышка, осмотр машин и подготовка к переходу с боями.

Старшина взял карту и кивнул.

Танки свернули за машиной ротного командира к лесу. Через полчаса «тридцатьчетверки» уже стояли по краям поляны, замаскированные нарубленными ветками и стволами молодых осин.

Соколов прыгнул с брони, дождался, когда соберутся командиры других танков. Он коротко довел до них приказ штаба корпуса. Группа возвращается в полном составе, прорываясь с боем. Сведения велено доставить командованию любой ценой. Поэтому Соколов при-

казал всем экипажам осмотреть свои машины, подготовить их к сложному маршу. Если есть сомнения, то лучше произвести ремонтные работы сейчас. В противном случае придется бросать технику на марше. Даже из-за поломки подвески или повреждения гусеницы. Состояние танков Соколов приказал доложить через час. Но командиры не стали тянуть время. Опытные экипажи прекрасно знали состояние своих машин, следили за ними, учитывали все технические проблемы.

– На «семерке» правый ведущий каток может заклинить в любой момент, – первым доложил Логунов. – Повреждение вала и редуктора. Можем дотянуть, а можем и встать посреди поля.

– У нас отбойник сорвало, – доложил старшина Шевырев. – Без сварки ничего не сделать. Если придется много маневрировать, сорвет к чертям гусеницу.

– У меня доворота башни нет, – продолжил сержант Началов. – Болванка угодила прямо под башню. Примерно девяносто градусов и все.

Получалось, что больше всего пострадали машины из взвода Соколова. Оба танка лейтенанта Задорожного оказались в лучшем состоянии.

Отпустив командиров машин заниматься матчастью, Алексей сел с Задорожным на пенек и достал планшет с картой.

– Вот что, Серега. – Соколов сбросил шлемофон на спину и пригладил потные волосы. – Мои могут не дойти. А приказ прозвучал однозначно: документы доставить любой ценой. Во время боя, если нарвемся на немцев, что-то менять будет поздно. Поэтому поступим так. Ты берешь оба штабных портфеля с документами и идешь в голове колонны. Нарываешься на немцев и уходишь от боя. Немцами займусь я, а ты прорываешься другой дорогой к Воронежу.

– Так, значит, решил, – вздохнул Задорожный, пожевывая травинку. – Ты командир, имеешь право. Только, может, лучше всей силой прорываться? Пять танков – это вам не стакан семечек. Пять «тридцатьчетверок» остановить не так просто. Немцы еще не научились нас подбивать, у них пушки на легких танках слабоваты, а средних не хватает. И артиллерийскую засаду они нам не устроят, потому что нас никто не ждет.

– Не ждет? – хмуро возразил Соколов. – А разгромленная колонна с двумя штабными машинами? Думаешь, немцы не ломают сейчас голову, кто устроил такое на дороге? Наверняка и раненые остались, кто смог рассказать о нескольких советских танках в их тылу. Да и немецкие колонны идут плотно. Нарваться можно сразу на танковую дивизию. А у них в охранение ходят ротами. У немцев танковая рота *mittlere Panzerkompanie* состоит из 14 средних и 5 легких танков. Это я еще с танковой школы помню, когда нам рассказывали о танковых частях европейских стран. Так что нам и одной их роты хватит выше головы.

– Значит, их истребители будут барражировать над тылами и искать нас, – вынужден был согласиться Задорожный. – Значит, у них уже есть приказ опасаться нескольких советских танков, выходящих из окружения. Думаю, мы все в одинаковом положении, Леша. Нам просто не дадут разделиться, не дадут выйти из боя.

– Ничего подобного, – вдруг улыбнулся Соколов. – В немецком приказе в разделе описания тактической обстановки сказано, что у командования армии нет точных сведений о положении советских войск на подходе к Воронежу. Они знают, что к Воронежу отходят наши 40-я, 60-я армии и 5-я танковая армия. Но где эти армии, как растянута наша часть, они и представления не имеют. Как и мы об их частях. Сейчас такая неразбериха, в которой легко затеряться. Они могут нашу атаку расценить как удар больших танковых сил, оказавшихся у них в тылу. Ты пойми, Сергей, что это очень важные документы, важнее, чем моя или твоя жизнь. Тут цена вопроса – прорыв немцев к каспийской нефти. А это значит, что речь идет о том, сколько еще продлится война. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Задорожный. – Ты не волнуйся, если надо будет, я прорвусь. Доставим документы во что бы то ни стало. На пузе поползу, но доставлю. Не сомневайся, командир.

– Ну и хорошо, – засмеялся Алексей, хотя ему было сейчас совсем не до смеха.

Ответственность давила на плечи многотонным грузом. А если не получится? Если не доставят? Если их всех подожгут уже через десять километров? Все, катастрофа.

Соколов глубоко вздохнул. Только без паники! «Ты что, первый раз в рейде, – стал ругать себя лейтенант. – В 41-м такого хватил, и ничего – живой. И люди живы. Выберемся, ты же знаешь, как это делается! Подотри соплю, командир Красной армии!»

Алексей обходил танки, наблюдал за работой экипажей, задавал вопросы. Настрой у танкистов был хороший, боевой. И работали они без суеты, сосредоточенно. Лейтенант ловил на себе внимательные взгляды подчиненных. Каждый хотел убедиться, что командир уверен в том, что собирается сделать, хорошо понимает и саму задачу, и как ее выполнить. Уверенность командира – половина успеха, потому что ее видят бойцы. Они верят в него и в успех боя. А значит, они верят и в себя. И Соколов старательно делал вид, что все хорошо, что ничего необычного в предстоящем прорыве нет.

Обойдя танки, он вернулся к своему экипажу.

Логунов, увидев подходившего командира, застегнул воротник гимнастерки, но Алексей жестом остановил его:

– Ну как, ребята?

– Нормально, – кивнул старшина, не удивившись вопросу.

На войне не так важно, в каком состоянии оружие, драться насмерть и даже победить можно и лопатой. Просто победа обойдется дороже. Важнее моральное состояние солдата, его боевой дух, готовность сражаться и умереть за свое дело. Если солдат не готов сражаться, если его дух слаб, то он и с самым современным оружием проиграет бой. Это знал и командир, и старшина, прошедший не так давно Финскую войну.

– У Николая с Русланом кулаки чешутся. Азарт у ребят. А знаешь, почему, командир?

– Верят в победу, – кивнул Соколов. – В торжество нашего дела, что мы в конце концов одолеем ненавистного врага.

– Ну, это понятно, – хмыкнул старшина. – В это мы все верим. Но солдат бодр, когда он верит в командира. Знаешь поговорку? Я ее слышал от одного... ну, он еще в ту германскую воевал. Знаешь, почему генералы никогда не бегают? Потому что в мирное время это вызывает смех, а в военное – панику. Это я к тому, что командир должен всегда выглядеть уверенным и улыбающимся.

– Даже улыбающимся? – засмеялся Соколов. – Ну, это ты, Василий Иванович, хватил.

– Ну, насчет улыбающегося, может, и правда лишку, а вот уверенность должна быть точно.

Из переднего люка показалась голова Бабенко.

– Все, можем ехать, Алексей Иванович! Порядочек.

Год войны никак не повлиял на манеры и зачастую неуставное, просто невоенное поведение бывшего инженера-испытателя. Не было в Бабенко военной косточки, но было в нем другое, более важное, жизненно важное для экипажа, для всего подразделения. Семен Михайлович чувствовал машину нутром, понимал на уровне подсознания. Порой никто не мог различить постороннего звука в этом грохоте и лязге, с которыми идет по дороге «тридцатьчетверка». Что тут греха таить, «Т-34» – очень шумный танк. А Бабенко услышит, нахмурится, начнет думать. Потом на первой же остановке полезет куда-то в трансмиссию или в дизель, или присядет возле амортизаторов. И ведь найдет, подскажет командиру, что нужно сделать, чтобы не подвела в бою железная машина.

А как любят работать с ним вместе Руслан и Коля Бочкин! Да и Логунов, мужчина, уверенный в себе, самостоятельный, и тот нет-нет да и подсядет с самокруткой послушать балагурство механика-водителя, его байки про заводские испытания, про молодых лаборанток и танцы в городском парке Харькова.

Подшли командиры танков: коренастый сержант Началов на чуть кривых кавалерийских ногах и худощавый старшина Шевырев, сосредоточенный, со шрамом от ожога на щеке и с не по возрасту заметной сединой на висках. По очереди доложили о готовности танков.

Алексей с минуту молчал, поглядывая на командиров, подбирая слова. Сейчас следовало, как казалось молодому лейтенанту, не отдавать сухой строгий приказ, а поставить задачу и убедиться, что каждый проникся ее важностью.

– Знаете, с чем возвращаемся? – спросил Соколов.

– Так точно, – ответил за всех Шевырев, дернув обезображенной щекой. – Документы у нас секретные немецкие, планы их. Командованию доложить срочно надо.

– Слушайте приказ. – Алексей постарался сделать уверенное лицо и отдать приказ спокойно, как на учениях. Мол, ничего сложного, просто очередная вводная. – Два танка лейтенанта Задорожного пойдут первыми. Он будет доставлять документы. Задача нашего взвода – прикрывать взвод Задорожного, принять, если потребует, на себя удар немцев, отвлекать немцев, давая возможность нашим товарищам прорваться в штаб корпуса. Задача ясна?

– Яснее ясного, – угрюмо кивнул Началов. – Помирай, значит, а выполни. Прими удар на себя.

– Война, сержант, – напомнил Соколов, удивленно глядя на командира танка, всегда уверенного и хладнокровного. – Враг топчет нашу землю, народ вручил нам оружие и послал защищать свою страну. Там женщины, старики, дети страдают под игмом фашистов. Мы защитники, это наш долг! Умирать, говорите? Если надо, то и умирать будем! За своих родных и близких, за свой народ, землю свою, предками нашими завещанную, защищать будем до последнего вздоха, пока рука держит оружие!

– Что вы, товарищ лейтенант! – Началов опустил голову, потом снова поднял глаза на командира. – Я же просто так сказал. Мол, приказ ясен. Не впервой! Били, бьем и будем бить их всегда.

– Будем, – кивнул Соколов. – А Задорожный пойдет первым потому, что у него машины в лучшем состоянии. У него шансов больше на гусеницах прорваться. Будем прикрывать его, помогать ему выполнять задачу. Потеряем танки, значит, возьмем автоматы и будем возвращаться пешком, действовать по обстоятельствам. На время рейда своим заместителем назначаю старшину Логунова. Все. Вопросы? Нет вопросов. Тогда по машинам, ждуть приказ «заводи».

Говорить больше не о чем. Да и не хотелось говорить. Расслаблять солдат душещипательными беседами, напоминать им, что дома их ждут жены, матери, невесты? Это всегда было сложно для Алексея. Отдавать приказ идти на смерть и не говорить при этом теплых слов. Они солдаты, он тоже солдат. Их долг защищать свою землю и свой народ.

Долг!

Две «тридцатьчетверки» пылили впереди на расстоянии двухсот метров. Первой шла машина старшего сержанта Бурлакова. Опытный командир, несмотря на то, что ему всего двадцать пять лет, он отвоевал год, горел в танке, сменил три экипажа. За глаза Бурлакова во взводе лейтенанта Задорожного называли «везунчиком».

Соколов сидел в люке и крутился из стороны в сторону, рассматривая окрестности в бинокль. Небо над головой было мрачное, тяжелые тучи затащили его до горизонта и теперь буквально давили на плечи.

Когда танки втянулись на лесную дорогу, небо внезапно прорвало. Начался такой сильный дождь, что в ста метрах ничего не было видно, даже сизых струй дыма выхлопных труб.

Логунов сунул снизу командиру плащ-палатку и велел Бочкину прикрыть куском брезента казенник пушки. Наблюдение нужно было вести, несмотря на дождь. А когда за лесом

полюхнула молния, и через несколько секунд раздался гром, старшина схватил Соколова за сапог.

– Немцы? Задорожный?

– Это гроза, Василий Иванович, – ответил Алексей, прижимая пальцами к горлу ларингофоны.

– Гроза! Природа на нашей стороне! – прокричал Бочкин. – По такой погодке мы прямо к зданию штаба корпуса подкатим. В такую погоду только лешие по лесам шастают.

«Эх, хорошо бы, – подумал Алексей, вытирая с лица холодную воду, – по дождю проскочить под самым носом у немцев. А может, и не нарвемся? Мы ведь напрямик идем, а они колоннами по дорогам. А тут ни одной приличной дороги в попутном направлении нет, все в стороне остаются».

Сдвинув на одну сторону шлем, лейтенант прислушался. Гроза, шум дождя, лязг гусениц. Грязь летела в стороны и стекала по придорожным кустам. Алексей удивился, как быстро раскисла дорога. Хотя, что удивляться, когда здесь такая земля, которая быстро превращается в липкую грязь, это вам не песчаная почва в лесах Белоруссии и не каменистые пустыни, с которыми он до войны встречался на учениях в Казахстане и Киргизии.

Растирая по лицу стекающую влагу и ежась в промокшем комбинезоне, Соколов хотел было спросить Бабенко, как ведет себя подвеска танка. Но тут черноту дождя над лесом разорвали огненные вспышки. Потом еще и еще. Следом донеслись звуки выстрелов танковых пушек.

«Задорожный! Это бьют «тридцатьчетверки, – догадался Алексей. – Неужели... Почему не вызвал?»

– Сокол, Сокол, на реке рыба! – прозвучал в головных телефонах голос Задорожного. – Идет на нерест!

Черт, нарвались на немецкую колонну! Вперед! Сбросив с головы капюшон плащпалатки и стиснув зубы, Соколов уставился вперед. Через несколько минут он понял, что произошло. На карте эта вырубка не была обозначена, тут прокладывали линию электропередачи, трасса шла по краю леса. Именно тут, на повороте, два танка Задорожного выскочили на немцев. А впереди открытый участок. Немцы сейчас развернут свою технику и разнесут в куски обе «тридцатьчетверки».

Проселок уходил чуть вниз, справа открывался небольшой пригорок, а прямо посреди открытого степного участка тянулась по дороге немецкая колонна. Даже одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что к линии фронта движется не менее моторизованного полка с приданным танковым батальоном. Хотя, если учесть, что всей колонны из-за дождя было не видно, тут могла двигаться и дивизия, и корпус, и целая армейская группа.

Два танка Задорожного отступали назад, стреляли, почти не целясь бронебойными снарядами. За эти несколько минут лейтенант успел подбить два танка и три бронетранспортера. Несколько грузовиков, видимо, столкнулись сами, попав под огонь и пытаясь найти укрытие. Немцы из-за дождя еще ничего не поняли, но уже стали разворачивать бронетехнику в сторону внезапного нападения. Решение принимать нужно было быстро, за одну секунду. Через две немцы уже откроют ответный огонь.

– «Пятерка», выполнять свою задачу! – заорал Соколов, глядя со злостью, как два танка Задорожного пятятся назад. – Всем огонь! Маневрировать, прикрывать «пятерку»!

Задорожный как будто опомнился, а может, он и правда растерялся на какое-то время. Но сейчас его машина круто развернулась на месте и, выбрасывая из-под гусениц комья грязи, понеслась обходить хвост колонны слева. Следом за ним рванул с места танк Бурлакова.

«Тридцатьчетверки» неслись как демоны сквозь ливень, в отвесах молний. Выстрелы их пушек сливались с громовыми раскатами. Немцы на дороге стали разбегаться, несколько

солдат попытались было развернуть полевую пушку, но попали под пулеметные очереди, а еще через минуту сама пушка превратилась в груды железа, раздавленная танковыми гусеницами.

Машины Началова и Шевырева шли следом за уносящимися в грозу и ливень «тридцатьчетверками» Задорожного. Но шли они медленно, то и дело останавливаясь для очередного выстрела. Били болванками старательно и прицельно, как на полигоне.

Соколов уже потерял из вида головные машины, но это не должно было повлиять на тактику боя. Справа он уже присмотрел полуразвалившийся бревенчатый домик или сарай на холме. Что ж, сейчас ему удобнее всего было занять эту позицию.

– Логунов, бей осколочно-фугасными! Бабенко, направо, верх по склону! Дави на всю! Играем в шашки!

Сейчас, по мнению лейтенанта, это было самым разумным. Да, подбить танк осколочно-фугасным снарядом сложно. Этот тип снарядов годился для разрушения фортификационных укреплений, для уничтожения небронированной техники или для подавления огневых точек. Сейчас важно было не подбивать немецкие танки, а сеять панику на дороге. А для этого разрывы фугасных снарядов годились лучше всего. Главным было помочь Началову и Шевыреву прикрыть отход машин Задорожного с документами, отвлекать немцев на себя.

А что такое «игра в шашки», знал любой боевой командир-танкист. Это жаргонное выражение описывало поведение отдельного танка, использующего в бою укрытие в виде здания. Танк выскакивает справа от укрытия, делает выстрел и снова откатывается назад, выходя из зоны видимости противника. Потом он появляется слева и снова делает выстрел. И так поочередно, иногда чередуя право-лево, иногда повторяясь, чтобы сбить с толку вражеских наводчиков. Угадать, с какой стороны строения в следующий раз появится цель, сложно.

Пока немцы «семерку» не видели. Бабенко выжимал из машины все, на что она была способна. Танк шел по склону вверх, и Алексей боялся, что они забуксуют на подъеме. Но механик-водитель выбирал участки с густым дерном и через несколько минут все же занял позицию на вершине холма.

Дождь лил как из ведра, колонна внизу казалась темной шевелящейся кучей.

По команде Соколова Бабенко вывел машину слева от сарая, остановился и включил заднюю скорость. Логунов тут же выстрелил. Еще не вспыхнул внизу разрыв снаряда, а «семерка» уже с ревом пошла назад. Соколов отплевывался от едкого кислого дыма, который втягивался вентилятором, и крутил перископ во все стороны.

Бабенко вывел танк справа от сарая и хрипло крикнул: «Дорожка!» «Выстрел!» – гаркнул следом Логунов, нажимая на педаль спуска. Танк качнуло, со звонким гулом ударило орудие и выплонуло под ноги заряжающему стреляющую гильзу.

Бочкин уже стоял наготове с новым снарядом, а танк в это время пятился по грязи назад. Что-то мелкое осыпало снаружи башню. Лейтенант развернул перископ и увидел, что снарядом снесло угол сарая. Осколки древесины, какие-то жерди и доски разлетелись во все стороны, на земле остались дымиться потемневшие от времени пучки старой соломы. Гнилые бревна сарая под дождем не загорелись. Это была удача.

И снова выход на «дорожку», выстрел и задний ход, Соколов пытался найти взглядом два других своих танка. Вызывать их в эфире он пока не хотел. Но сверху ему было плохо видно, что происходит справа, у основания холма в хвосте колонны. Сейчас немцы подтянут все силы, и «семерке» будет не уйти. Снова выстрел, и снова башня наполняется дымом, но вентилятор быстро вытягивает его наружу.

Неожиданный удар в башню со стороны заряжающего заставил Бочкина вскрикнуть и упасть на одно колено, при этом снаряда из рук он не выпустил.

– Ранен? – поспешно спросил Логунов.

– Нормально, оглушило малость, – откашливаясь, отозвался заряжающий. – Под углом задело.

Снова падают на пол пустые пулеметные диски. Омаев вставляет новый и ждет, когда танк выйдет на позицию. Соколов услышал, как Руслан что-то говорит себе под нос по-чеченски.

– Слева, – скомандовал Алексей, придерживая рукой открытый люк над головой.

Танк снова рванулся вперед и замер на вершине слева от сарая. По открытому люку ударили осколки, но Соколов успел посмотреть влево и вниз. Он не видел номеров машин, не мог их различить. Один танк неся, повернув башню набок, и стрелял, даже не останавливаясь. Второй стоял на месте и полыхал как факел. Его орудие выстрелило, дал короткую очередь пулемет, а потом внутри взорвался боезапас. Лейтенант упал лбом на мокрую сталь перископа и застонал от невыносимой боли в душе. Ребята! Перед глазами стоял столб разрыва, отлетающая в сторону объятая пламенем башня «тридцатьчетверки», языки огня, которые не мог потушить даже сильный дождь.

– «Семерка», я «пятый»! Я на берегу. Я на берегу!

– Я «семерка», всем «горох»! – крикнул Алексей, чувствуя, что голос его не слышат, что в горле першит не то от дыма, не то от горечи. – «Я «семерка», всем «горох»!

Команда «горох» означала рассыпаться и уходить самостоятельно на прежний маршрут.

А дождь все продолжал лить, превращая землю в непролазную грязь, а лес – в темную непроглядную стену. И только вспышки выстрелов танковых пушек, только трассеры пулеметных очередей мелькали в этом диком хаосе.

Бабенко съехал с холма, пару раз с трудом удержав машину от заноса, когда танк стал уже почти скользить по грязи, грозя опрокинуться набок. Логунов и Бочкин в башне держались за пушку, пытаясь упереться руками и ногами. Наконец, «семерка» оказалась внизу, и Соколов захлопнул люк.

Впереди пару раз мелькнула корма танка Началова, а потом их обступил мокрый лес. И только здесь, на старой просеке, поросшей жиденькими осинками, Алексей увидел вторую «тридцатьчетверку». Это был танк старшего сержанта Бурлакова. Машина стояла, развернув башню назад, угрожающе выставив ствол пушки.

– Бабенко! – прошептал Алексей и потянулся рукой к замку верхнего люка.

– Вижу, Леша, – так же тихо отозвался в шлемофоне голос механика-водителя.

– Нельзя, командир! – Рука Логунова стиснула пальцы лейтенанта, пытавшегося открыть замок люка. – Они мертвые... все. Ты же видишь!

– А, суки! – закричал Коля Бочкин, и сплошную стену дождя прорезала пулеметная очередь.

– Вперед, Семен Михалыч, – устало процедил сквозь стиснутые зубы Соколов.

Алексей оторвался от перископа и уткнулся лбом в холодный металл скобы. Танк трясло и мотало, он несколько раз больно ударился лбом, но именно этого сейчас и хотелось – боли, физической боли, которая отодвинула бы на задний план боль душевную. Перед глазами молодого командира все стоял танк с номером 079, развернувший пушку назад, туда, откуда его догоняли враги. И две размотанные разбитые гусеницы, из-за которых Шевыряв не смог увести машину.

Старшина до последнего отстреливался от фашистов, прикрывая отход Задорожного и Началова. И ждал своего командира, когда тот тоже пролетит мимо на большой скорости, чтобы оторваться от врага. Снаряды у них, наверное, кончились, а может, остались только болванки, за ними шла пехота на бронетранспортерах. Вот и выбрались из танка, и заняли позицию за пеньками с танковыми пулеметами и гранатами. Сам старшина Шевыряв лежал за деревом, прижавшись к стволу плечом, уронив перед собой «ППШ».

Вечная вам память, ребята! И экипажу Бурлакова тоже. Я помечу на карте это место, доложу в штабе. А еще мы сядем и напишем родным. И расскажем, как дрались, как погибли их близкие. А после войны мы вернемся сюда... те, кто останется жив, и поставим памятник.

Глава 3

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант! – Коля Бочкин осторожно коснулся плеча командира, боясь потрясти сильнее.

Соколов промычал что-то нечленораздельное, но глаза не открыл. Даже через закрытые веки по пробивающемуся свету было понятно, что уже рассвело. Где-то в глубине подсознания мелькнули давно забытые детские воспоминания. Дом в деревни у бабушки под Куйбышевым, утро, петухи, солнце в окошко, запах реки и зелени. И можно не вставать, потому что каникулы и все лето принадлежит тебе. И рыбалка, и купание, и ночное у костра со страшными историями и печеной в золе картошкой.

– Товарищ лейтенант, я вам умыться приготовил, вставайте, – снова позвал Бочкин. – Вы приказали вас в восемь разбудить. А сейчас уже половина десятого.

– Ну, молодцы! – вяло ругнулся Соколов. – Командир приказал, а они тянутся, не спешат приказ выполнять. Через пять минут приду.

Сон мгновенно выветрился из головы. На его место с лязгом танковых гусениц вернулись воспоминания о вчерашнем прорыве и гибели двух экипажей.

Они дотемна пробивались к своим, путаясь в овражах и балках, потому что нельзя было включать фары. А потом вышли к шоссе и благодаря регулировщицам к полуночи добрались до штаба корпуса. Алексей вспомнил, как они вынимали из башни раненого осколком в голову Задорожного. Как в штабе корпуса Соколов, пошатываясь от усталости, докладывал о своем возвращении и передавал трофейные портфели с немецкими документами. Потом неожиданно вошел генерал Борисов, глянул мельком на закопченного танкиста и принялся жадно просматривать немецкие документы. Потом отложил их в сторону и подошел к Соколову.

– Ну, ты молодец, лейтенант! – заглядывая Алексею в глаза, произнес генерал. – Ты просто не знаешь, какой ты молодец! И штабную колонну уничтожил, и танки вывел, и документы доставил. Ребят твоих жалко, конечно. Но на то и война – гибнут лучшие, самые смелые. Спасибо, сынок!

– Служу Советскому Союзу, – попытался по-уставному ответить Соколов, сжатый сильными руками Борисова.

– Давай, отдыхай! Начштаба, распорядись, чтобы танкистам хаты поуютнее предоставили под расквартирование. С утра машины к ремонтникам и чтобы как новенькие. Тебе, Соколов, спать до обеда, а в четырнадцать ноль-ноль быть в штабе. У меня каждый танк сейчас на счету.

Открыв глаза, Алексей посмотрел на деревянный потолок хаты, прислушался к звукам снаружи. На подоконнике что-то зашевелилось. Повернув голову, Соколов увидел пеструю курицу. Птица сидела, нахохлившись, то и дело растопыривая крылья и встряхивая ими, как будто пыталась улететь. На человека она смотрела с недоверием, наклоняя голову то влево, то вправо.

– Здорово, Пеструха, – усмехнулся Алексей. – Не любишь чужаков? Правильно. Война! Могут в два счета в суп тебя определить.

Гимнастерка висела на спинке стула рядом с кроватью. Выстиранная, с чистым подшитым подворотничком. Алексей спустил ноги с кровати и осмотрелся. Как же эта хата была похожа на дом его бабушки. Много лет из года в год он отдыхал у нее. Такие же крашенные масляной краской стены из толстой струганой доски, скобленные полы, покрытые половичками, связанными из разномастных полосок толстой ткани. Алексей видел, как бабушка вязала крючком такие вот круглые и квадратные половички. И старые чулки шли в ход, и обрезки изношенной юбки, и кофта, прожженная у печи, которую она не носила уже лет двадцать. И – пахло деревом, травами и душистым хлебом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.